

МАРИНА МНДИВИ
ВАЛЕРИЯ ЧЕРНОВА

МАРИНА ИНДИВИ
ВАЛЕРИЯ ЧЕРНОВАНОВА

БУНТАРКА
И ХОЗЯИН СТУЖИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И60

Серийное оформление – *Екатерина Соболевская*

Иллюстрация на обложке – *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Индивиди, Марина.

И60 Бунтарка и Хозяин Стужи : [роман] / Марина Индивиди, Валерия Чернованова. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 320 с. – (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета).

ISBN 978-5-17-156107-9

Что может связывать простую девушку с непростым даром правителя Севера, могущественного Снежного? Ничего, думала я и... была не права. Случайная встреча на руинах храма, и теперь я, Ливия Селланд, жизненно необходима Хьяртану Эртхарду. А вот он мне сто лет не нужен! Но разве его снежность это волнует?

Радует одно: он будет нуждаться во мне лишь до тех пор, пока не разберется, что с ним случилось и какие силы нас соединили. А потом наши пути разойдутся. По крайней мере, я на это очень надеюсь... И уж точно не стану слушать свое глупое сердце!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156107-9

© М. Индивиди, В. Чернованова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

... ГЛАВА 1 ...

Ливия Селланд

Самая длинная ночь в году, как назло, оказалась и самой темной, а еще и до ларгов холодной, поэтому к развалинам храма я добралась основательно продрогшей. Но главное — добралась! Пока шла, вздрагивала от малейшего шороха и не переставала озираться. Городок у нас хоть и маленький, мирный, но, собираясь на прогулку в полночь, надо понимать, что случиться с тобой может всякое. Особенно если тебе всего девятнадцать, а из оружия — только нож за поясом, утащенный накануне с кухни. Да и то больше для собственного успокоения, чем для обороны.

Не переставая дрожать и кутаться в ветошь, гордо именуемую пальто, я поднялась по полуразрушенным ступеням — скользким, промерзшим, заметенным снегом. Говорят, когда-то это место было невероятно красивым, но теперь от него остались лишь обломки стен да жалкие сколы колонн.

Заметив алтарь, я приободрилась и, увязая в снегу, стала пробираться к рассеченному надвое куску мрамора.

— Ну вот, почти...

Стянув варежки, достала из кармана платок Фабиана с несколькими каплями подсохшей крови и срезанной у спящего мальчика каштановой прядью. Представляю его реакцию, когда поймет, что за чудо случилось ночью... Улыбнувшись, сжала платок в кулаке и опустила перед алтарем на колени. Вдохнула, выдохнула и, не теряя времени, зашептала заветные слова.

Пусть сегодняшняя ночь была непроглядно темной, невозможно холодной, но она была особенной. Как и это место.

Как же долго я ждала этого момента...

Слова ритуала, который знала лучше, чем благодарственную молитву Богине-матери, звучали все громче, лились из самого сердца. Искренние, горячие, трепетные. Вместе с ними из меня вытекала сила — Дар, доставшийся от мамы.

То, что должно было спасти моего брата...

— Нет! — Я вскрикнула и открыла глаза, почувствовав, как в ладонь словно молния угодила. Платок выпал из дрогнувших пальцев и, подхваченный порывом ветра, взмыл к небу. — Нет, нет, нет!!!

Подскочив, бросилась за ним, не помня себя от отчаяния. Ритуал не был закончен.

Ритуал. Не был. Закончен.

Да что ж такое...

Я ведь столько готовилась!

Платок кружил в воздухе, словно дразня, издеваясь, а потом стал медленно опускаться. Все ниже и ниже... Я была уже так близко. Сейчас... Еще немного, и схвачу! И обязательно закончу начатое!

Исцелю брата.

Поймала. Прижала к груди и хотела уже бежать обратно, но вдруг нога подвернулась, обо что-то зацепившись. Камень? Ступенька?

Вскрикнув, рухнула в снег, плащмя упав на... чужую грудь.

— Богиня-мать... — выдохнула в губы мужчины, уже основательно покрытые изморозью. К его ресницам тоже успели прилипнуть снежинки, красивые такие... И ресницы, и снежинки. Высокий лоб, острые скулы...

Настоящий Снежный...

Мертвый Снежный. Совершенно, бесповоротно мертвый.

Ошеломленная находкой, я продолжала разглядывать незнакомца. Смотрела аж целую минуту, а может, и дольше. Со страхом, горечью и еще каким-то странным чувством, которое не могла объяснить даже самой себе.

Он ведь Снежный...

А их точно жалеть не стоит!

Как и переживать, что один из них вдруг стал покойником.

— Хватит, Ливия, на нем лежать! — строго прикрикнула на саму себя. — У тебя важное дело. А мертвые Снежные вообще не твоя проблема.

Не успела так подумать, не успела подняться, как этот липовый мертвец (ларгов на него нет!) открыл глаза и, пригнув меня к себе, грудь к груди, жадно поцеловал.

Так резко и глубоко, что в меня, казалось, ударил весь холод зимней стужи, все вымораживающие ветра. Я должна была бы ооченеть, но вместо этого вспыхнула, как свеча от ворвавшейся в комнату вьюги. Голова закружилась.

Сквозь жар и холод, сквозь этот пугающий контраст я почувствовала вытекающую из меня силу. Под напором жестких губ, под властью этого подчиняющего поцелуя крохи магии таяли, как искры костра в зимней ночи.

Собрав в кулак остатки сил, оттолкнула негодая, ударила кулаком в твердую, будто каменную, грудь, плюхнулась на то место, на которое нежданно-негаданно нашла приключения, а потом, кое-как отодвинувшись, вскочила на ноги.

Из развалин бежала без оглядки, чувствуя, как в груди лихорадочно стучит сердце, кровь в венах вскипает от гремучей смеси злости, страха, досады. Видя перед собой голубые как лед глаза, ощущая прикосновение горячих губ и слабость, которая с каждой секундой становилась все сильнее.

И все из-за этого ларга Снежного!

Не знаю, где только силы взяла добраться до дома. Скользнула в оставленную приоткрытой калитку, о существовании которой мачеха, кажется, не догадывалась, и, миновав теплицы, толкнула дверь на кухню.

Скорее бы в кровать, под одеяло. Хоть немного согреться, прийти в себя, унять бешеный стук сердца.

Вбежав в кухню, рванула было к двери напротив, но загнулась, заметив развалившегося за столом ларга. Не Снежного, но этого мне видеть хотелось еще меньше.

— И где это мы пропадаем глухой ночью, дорогая сестрица? — Проведя кончиками холеных пальцев сквозь ле-

пестки пламени, дрожащего над свечами, Душан прошелся по мне липким взглядом. — Я ведь переживаю.

Только тебя мне сегодня не хватало...

Отняв руку от пламени, мужчина резко поднялся. Деревянные ножки стула царапнули пол, и я, не сдержавшись, поморщилась.

Отвратительный звук.

Отвратительный Душан!

— Что же ты молчишь, Лив? — насмешливо спросил он, шаг за шагом сокращая расстояние между нами. — Где можно было пропадать глубокой ночью, заставляя меня беспокоиться?

А ведь я, уходя, удостоверилась, что все спят. Была уверена, что о моем исчезновении никто не узнает.

Это что же получается? Проснувшись посреди ночи, Душан решил сунуться в мою комнату и, не обнаружив меня там, занял выжидательную позицию на кухне?

И часто он так ночами меня... инспектирует?

При мысли, что сводный брат пялится на меня спящую, по коже словно тараканы пробежали. Хотя уж лучше бы они, чем взгляд Душана.

Меня передернуло, но внешне я оставалась невозмутимой.

— Просто гуляла, — ответила вынужденно, стараясь не смотреть ему в глаза.

Цвета болотной тины, блеклые и невыразительные.

— Гуляла? — Приблизившись, он стал обходить меня по кругу, подобно хищнику, кружащему вокруг лакомой добычи.

То, что я для сводного братца аппетитнее куска торта или желаннее бутылки фрионского, стало ясно давно. Жаль, отец это вовремя не понял. А потом его не стало...

И теперь мне приходилось терпеть поползновения этого гада, ползучего и наглого.

— Мне не спалось, — тихо сказала, впиваясь пальцами в отвороты на рукавах.

Наверное, хорошо, что ослабла. В последний раз, когда Душан лез ко мне целоваться, я приглубила его магией. А мачеха потом наказала.

Только не меня, а Фабиана.

Душан остановился в полушаге.

— Одна ночью в городе... А если бы с нашей крошкой Лив случилась какая-нибудь... неприятность? Я бы не простил себе, если бы такому нежному цветочку оборвали все лепесточки. — Длинные, нежные, как у девчонки, пальцы прошлись по моей щеке в неторопливой ласке, и я снова вспомнила о тараканах.

— Я не отходила далеко от дома.

— Тебе вообще не следовало уходить. Что скажет маменька? Она уж точно будет недовольна.

Начинается... Шантаж — наше все.

Душан подался ко мне и прошептал, намеренно задевая губами мочку уха:

— Но, может статься, она и не узнает. Если мы с тобой, милая Лив, сумеем договориться.

Рука ларгового братца легла мне на талию и тут же сползла ниже, жадно смяв... пальто. Благо ткань была плотной, поэтому я почти ничего не почувствовала, но ладонь все равно закололо.

От желания отвесить ему пощечину.

С детьми мачехи отношения у меня не сложились сразу. Если младшая дочь Стеллы, Арлетта, была просто взбалмошной, капризной стер... нэри, которую я скрепя сердце терпела, то ее наследника в иные моменты терпеть было невозможно.

И Душану влетало.

Солнечная магия сложна и многогранна. Я сама о своем даре мало что знаю и не всегда могу управлять им. Иногда он берет ситуацию «в свои руки» и творит все, что ему вздумается.

Однажды (дело было все в той же кухне) при попытке облюбовать мне губы поцелуем из очага вырвались искры, угодив Душану в одно интересное место. Жаль только, в заднее, а не спереди. Ох и визгу было... В другой раз, летом, после зажиманий меня в амбаре у парня случился тепловой удар, и кожа на лице пошла некрасивыми пятнами. Она

потом еще долго облезала, и Душан бегал в комнату сестры за белилами.

Когда стало ясно, в чем причина бед старшей кровиночки, вместо того чтобы осадить сына, мачеха взялась наказывать меня. Видя, что не помогает, переключилась на Фабиана, и мне пришлось изо всех сил сдерживать магию.

Иногда получалось, иногда нет. Кто бы мог подумать, что я буду рада поцелую Снежного, бессовестно выпившего мою силу.

При воспоминании о псевдопокойнике губы будто тысячу иголочек закололо, и я невольно коснулась их пальцами. Душан это заметил и, облизавшись, словно кот в предвкушении кринки молока, положил уже вторую руку мне на зад... на то, что было пониже талии.

Ну знаете ли!

— Моя строптивая, неукротимая Лив, — прошептал этот кретин. — Ты просто не понимаешь, от чего отказываешься. И чем сильнее сопротивляешься, тем больше мне нравишься. В каждом мужчине, знаешь ли, живет охотник. Хищник и укротитель.

В некоторых мужчинах еще живут круглые идиоты.

— Отпусти. — Несмотря на установку держать себя в руках, мой голос дрогнул. — Отпусти немедленно!

— Перестань брыкаться, и твоя жизнь сразу наладится, — тоном ларга-искусителя продолжал Душан, не спеша убирать свои липкие пальцы, не торопясь отводить от меня назойливый взгляд. — Разве тебе не хочется красивых платьев? А украшений? Все это я мог бы тебе дать, если бы ты мне дала... подарила свою любовь.

Несмотря на усталость и слабость, я снова чувствовала, как в груди рассыпаются лучи солнца — яркие, жгучие, огненные. Сила пробуждалась, откликаясь на мои эмоции, которые с каждой секундой все сложнее было сдерживать.

Душан склонился к моим губам.

— Начнем со сладкого поцелуя, а там... будет видно.

Оттолкнуть, ударить коленом, врезать по наглой морде я не успела. Неожиданно кухню наполнил звенящий от негодования голос:

— Это что такое?! Ваше благородие! — В дверях, оперев руки в бока, стояла Дорота.

— Ты что здесь делаешь? — резко отстранившись от меня, процедил Душан.

— Что я делаю? — вскинулась кухарка. — Это вы, молодой человек, что здесь забыли? Молока вам согреть аль чем-нибудь крепким наполнить рюмку? Так это я мигом! И сама принесу. А вы идите, идите... Негоже господину на кухне мерзнуть.

Сколько себя помню, Дорота всегда была рядом. Особенно после смерти папы. Могла бы уйти — Стелла платила ей жалкие гроши, а такая кухарка, как Дорота, была достойна гор золота. Легко могла бы найти работу не только в Борге, но и в столице. Например, в доме какого-нибудь богатея Снежного. Да хоть в королевском замке! Но она осталась. Ради нас с братом. Понимала, что мачеха ни за что ее не прогонит (вкусно поест и Стелла, и детишки любили), а потому не стеснялась осаживать мерзавца.

— Я сам знаю, где мне быть! — тот независимо дернул подбородком, но тут же сдулся под суровым взглядом поварихи.

— Вот и будьте, где хотите, — пожалала она плечами, а потом не терпящим возражений тоном добавила: — Но только не на моей кухне.

К счастью, сводный братец не умел убивать взглядом, иначе бы Дорота уже давно была бы мертвой. Он вообще не владел магией, да и особой физической силы в нем не наблюдалось. Изнеженный, избалованный маменькин сыночек.

Единственное, что ему оставалось, — это поскрипеть от бессильной злости зубами и, высокомерно вздернув голову, убраться из кухни.

Когда за Душаном с яростным треском захлопнулась дверь, я не сдержала облегченного вздоха. Стекла на лавку, медленно, непослушными пальцами расстегивая пуговицы пальто, и вскинула взгляд на Дороту.

— Не получилось? — Она все поняла по выражению моего лица.

Я покачала головой, а потом, судорожно вздохнув, призналась:

— Мне, можно сказать, помешали. Снежный помешал.

— Снежный?! — Кухарка округлила глаза.

Судя по тому, как дрогнули руки, она собиралась схватиться за сердце, но в последний момент передумала и нервно смяла пальцами юбку.

Перед Снежными, сильнейшими чародеями Севера, многие испытывали благоговейный трепет. Некоторые их боялись, другие боготворили. Были и такие, как я, которые ненавидели...

А после сегодняшнего у меня стало на один повод больше испытывать к ним столь сильное чувство. Ведь если бы не этот липовый покойник, я бы исцелила своего братишку!

— Негодяй прикидывался сугробом, в который я в погоне за платком случайно влетела.

— В Снежного? — дрогнувшим голосом уточнила Дорота.

— В сугроб, — насупленно ответила я, невольно рисуя в уме застывшее ледяной маской лицо мужчины. Острые скулы, четкую линию носа и губы...

Так бессовестно заклеившие меня поцелуем.

Я продолжала рассказывать, а Дорота тем временем, не переставая охать и ахать, зажгла огонь в очаге и стала греть в котелке воду, чтобы напоить меня горячим успокаивающим отваром.

— И что только господину Снежному могло понадобиться в наших краях? — встревоженно пробормотала она.

Несмотря на близость к столице, в наш городок светлейшие норды заглядывали нечасто, и каждый их визит становился едва ли не праздником. Градоправитель закатывал настоящий пир, с радостью и подобострастием привечая важных гостей, — не селить же светлейших на постоялом дворе. Появление одного из Снежных просто не могло остаться незамеченным. А этот преспокойно валялся себе на руинах храма...

Странно. Очень странно.

— И что теперь будешь делать? — тихо спросила Дорота, ставя передо мной дымящийся отвар.

Вдохнув терпкий травяной аромат, я обхватила кружку руками и стала греть об нее пальцы.

— Буду искать другой способ исцелить брата. Ждать еще год я не собираюсь.

Почему-то вдруг подумалось об оставленных на развалинах варежках. И платке брата. Платок наверняка унесло ветром, а за варежками, наверное, стоит завтра вернуться. Лишней пары у меня не имелось, но это была такая мелочь по сравнению с несчастьем, три года назад случившимся с Фабианом. Мачеха не желала заниматься его лечением, а у меня не было ни средств, ни связей. Только описание обряда, который так долго искала.

Два года поисков, год подготовки...

Столичные чародеи, может, и могли бы ему помочь, но где мы, а где столичные чародеи. Да и не станут они врачевать за простое чистосердечное «спасибо», а Стелла скорее в монашки пострижется, чем выделит деньги на лечение мальчика.

— Иди спать, милая. Тебе нужно отдохнуть, — ласково проговорила Дорота, мягко касаясь моей щеки теплыми пальцами.

Благодарно ей улыбнувшись, я допила отвар, выудила из кармана нож и, под удивленным взглядом Дороты положив его на стол, поднялась. Поцеловав свою защитницу в щеку, пожелала ей доброй ночи.

Перед тем как отправиться к себе, заглянула к брату. После того трагического случая это стало своего рода традицией — проверять перед сном, все ли с ним в порядке. Сердце сжалось при виде худенького тельца ребенка, свернувшегося под одеялом.

— Я все исправлю. Обязательно исправлю... — прошептала одними губами.

Войдя в комнату, осторожно поцеловала Фабиана, неведомо коснувшись его лба губами. Поправила одеяло, провела пальцами по шелковистым каштановым прядям и, горько улыбнувшись, тихо вышла.

В те мгновения я пуце прежнего ненавидела Снежных.

Хьяртан-Киллиан Эртхард

Последнее, что он помнил, — это боль, заполнившую тело, пронзившую каждую его клетку, и наступившую за ней слабость.

Слабость... Хьяртан-Киллиан Эртхард уже и забыл, а может, и вовсе никогда не знал, что это такое — быть слабым. Да и боль Снежные ощущали иначе, не как простые люди или даже маги. Лишь тихие, приглушенные ее отголоски...

Но то, что он испытал этой ночью, едва ли можно было назвать жалкими отголосками.

За слабостью последовала тьма — глубокая, холодная, вечная. Он почти сдался, почти вдохнул мертвенное дыхание смерти. Почти отпустил этот мир или миру позволил себя отпустить... И вдруг ощутил тепло, свет... саму жизнь.

У жизни были невозможно яркие зеленые глаза, широко распахнутые от удивления или страха, и сумасшедше притягательные губы: розовые, сочные, пухлые. К ним он и подался, испытывая острое, непреодолимое желание прижать к себе это странное создание, вобрать в себя ее жизнь.

Он пил, пил ее дыхание, ее жар и не мог остановиться. Голова снова закружилась, но уже не от слабости, а от небывалого прилива сил. Поцелуй оказался крепче бутылки фрионского, и, наверное, если бы девчонка его не оттолкнула, он бы выпил ее досуха.

Ее силу. Ее жизнь.

К счастью, незнакомка со странной магией, обжигающей и одновременно пьянящей, так непохожей на его собственную, оказалась не из пугливых. Оттолкнула, ударила его в грудь своим маленьким кулачком, вскочила на ноги.

В голове все еще гулял хмель, пока Хьяртан наблюдал за исчезающей в лабиринте стен фигуркой в бесформенном тупле. Руины Борга... Он хорошо помнил, как выслеживал гротхэна в столичных предместьях. Вместе со своими воинами следовал за тварью до границы Ледяного леса, а дальше...

А дальше только ларгам известно, что с ним стало.

Выругавшись сквозь зубы, мужчина поднялся. Невольно пошатнулся и подумал, что был бы не против позаимство-

вать у беглянки еще немного ее странной магии. Еще, хотя бы на пару секунд, ощутить сладкий вкус ее губ и пьянящую силу, проникающую в него вместе с дыханием зеленоглазки.

На нетвердых ногах Хьяртан обошел руины старого храма, в котором когда-то, очень давно, поклонялись Забвенным, но девочки, как и ожидал, здесь уже не было. Только на обломках алтаря темнела маленькая, будто снятая с ребенка, потертая варежка. Вторая такая же лежала в снегу. Мужчина поднял и ее, задумчиво повертел перед глазами, а потом прикрыл веки, ощущая исходящие от вещи слабые отголоски силы.

Ее силы.

Казалось, варежки все еще хранили тепло рук девушки, как его губы хранили тепло их поцелуя. И почему он продолжает об этом думать? Почему продолжает о ней вспоминать? Куда важнее сейчас понять, что с ним произошло, как он оказался в этом городишке, где его люди и удалось ли им уничтожить гротхэна.

Эртхард вернулся к тому месту, что чуть не стало его могилой. Снег усилился, быстро замечая малейшие следы, Скрывая пятна крови на белоснежном покрове, припорашивая крупной крошкой какой-то лоскут... Платок. Стоило его коснуться, как стало ясно, что и эта вещичка в багровых пятнах принадлежала его спасительнице.

То же ощущение тепла, света, жизни и... чего-то еще. Какой-то тьмы, черноты, чего-то злого, отчего захотелось бросить платок обратно в снег. Но Хьяртан не стал этого делать. Вместо этого спрятал в карман, добавив к другой своей находке. А потом, выпрямившись, сделал рукой пасс, очерчивая в воздухе некое подобие круга.

Обычное действие, такие простые чары заставили мужчину поморщиться. Не сразу, лишь спустя несколько секунд во тьме замерцали морозные узоры, принимая очертания портала, открывая перед ним дорогу в Эрнхейм.

Скорее... скорее добраться до замка, прийти в себя. А потом уже он докопается до правды. Разберется и выяснит, что, стужа побери, с ним случилось!